

ИСЛАМСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА: ИСТОРИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ, ДИНАМИКА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Ключевые слова: Исламское движение Восточного Туркестана (ИДВТ), Исламская партия Туркестана (ИПТ), Восточный Туркестан, теракты в КНР, уйгурский сепаратизм

Аннотация: Исламское движение Восточного Туркестана (东突厥斯坦伊斯兰运动), или Исламская партия Туркестана, – вооруженно-террористическая организация, целью которой является создание фундаменталистского исламского государства Восточный Туркестан на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. ИДВТ стоит за подготовкой и проведением громких террористических актов на территории КНР в конце 2013 – начале 2014 г. МИД КНР рассматривает ИДВТ в качестве «самого актуального и реалистичного вызова безопасности в Китае». Статья посвящена анализу истории организации, эволюции ее идеологии, а также методов и тактик, которые применяют уйгурские радикалы на современном этапе.

Keywords: East Turkestan Islamic Movement (ETIM), Turkestan Islamic Party (TIP), East Turkestan, terrorist attacks in China, Uyghur separatism

Abstract: East Turkestan Islamic Movement (东突厥斯坦伊斯兰运动), also known as the Turkestan Islamic Party, is a militant-terrorist organization whose end goal is to create the fundamentalist Islamic state of East Turkestan within the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China. ETIM stood behind the high-profile terrorist attacks in China in 2013-2014. According to the Chinese MFA, ETIM “is the most relevant and realistic challenge to security in China”. This article analyzes the history of the organization, evolution of its ideology, as well as methods and tactics employed by the Uighur radicals at the present stage.

В течение нескольких месяцев 2014 г. Си Цзиньпин в своих публичных выступлениях неоднократно касался вопросов борьбы с терроризмом, что свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне озабоченности политического руководства Китая вопросами безопасности. После того, как 30 апреля 2014 г., в заключительный день визита Си Цзиньпина в Синьцзян, на южном вокзале в Урумчи произошел теракт,¹ Председатель КНР выступил 1 мая с очередным заявлением, в котором отметил, что «борьба с терроризмом не позволяет останавливаться ни на минуту, и решительные действия должны быть предприняты для того, чтобы подавить импульс террористической активности».² Вслед за заявлением лидера КНР в мае 2014 г. в Китае был дан старт очередного раунда кампании «Суровый удар» [严打, Yanda].³ В середине июня 2014 г. началась крупномасштабная военная кампания пакистанской армии на северо-западных территориях страны, направленной на уничтожение

находящихся там радикальных исламистских объединений.⁴ 20 июня агентство Синьхуа распространило сообщение о начале кампании «по очистке китайского сегмента интернета от видео и аудиоматериалов, содержащих пропаганду терроризма и применения насилия».⁵ Несмотря на все эти шаги и ужесточение мер контроля, 30 июля 2014 г. произошло очередное массовое нападение вооруженных людей на полицейский участок в округе Шачэ, в результате которого «пострадали десятки людей».⁶ За всеми этими терактами стоят радикальные исламисты сепаратистского толка, базирующиеся в Синцзянь-Уйгурском автономном районе КНР.

I.

Несмотря на то, что с момента завоевания армией цинского императора Цяньлуна Джунгарского ханства (1757 г.) и Кашгарии (1759 г.) прошло уже более 2,5 столетий, «новые владения» (а именно так с китайского переводится название «Синьцзян») продолжают оставаться одним из основных очагов нестабильности на территории Китая. На протяжении всего «синьцзянского» периода истории этих территорий поиск эффективных моделей их модернизации по «китайскому образцу» и стабилизации региональной обстановки были затруднены влиянием факторов исторического наследия и географии. Различные траектории исторических судеб территорий Западного края и Китая, удаленность Синьцзяна от центров китайской цивилизации, его историческая зависимость от региональных процессов в Центральной и Южной Азии и влияние политики «глобальных» игроков предопределили комплекс факторов, способствовавших активизации ожесточенного сопротивления уйгуров китайскому владычеству.

Как давно заметили наблюдательные китайцы, каждые пять лет в Синьцзяне происходит небольшое восстание и каждые 10 лет – крупное.⁷ Эти наблюдения подтверждаются данными историков, по подсчетам которых, с момента захвата цинами Западного края и до конца 1940-х гг., когда была провозглашена КНР, на территории Синьцзяна произошли порядка 400 антикитайских мятежей.⁸ Поскольку само понятие «этнокос» в оазисах Такла-Макана исторически было размыто, большинство из этих восстаний разгорались под религиозными лозунгами «газавата» (священной войны), а главной их целью было создание не этнического (уйгурского, казахского, дунганского), а именно мусульманского государства.⁹ Иными словами, именно ислам, являвшийся ключевым элементом «оазисной» идентичности народов Китайского Туркестана, традиционно играл одну из определяющих ролей в развитии политических и социальных процессов внутри Синьцзяна. Именно этой способностью ислама служить мощнейшим ресурсом мобилизации местного населения на протяжении XIX и XX вв. пользовались различные внутренние и внешние силы, выступавшие за независимый Восточный Туркестан.

Начало современного этапа уйгурского сепаратизма в Синьцзяне пришлось на конец 1980-х – 1990-х гг. Происходившие в этот период у западных границ КНР процессы (война в Афганистане, появление независимых национальных республик Центральной Азии, радикализация ислама на их

территории) по времени совпали с началом фундаментальных изменений внутри КНР, либерализацией политической жизни и открытием границ. В результате этих процессов в автономии, где еще не успели забыть все ужасы культурной революции, начал стремительно набирать силу процесс возрождения суфизма, параллельно с которым происходило появление и укрепление и исламского фундаментализма.

Принятие нового политического курса реформ Дэн Сяопина для Синьцзяна было, прежде всего, сопряжено с возрождением ислама: в автономии начали вдвойне активно восстанавливать храмы и медресе, активизировалась работа по духовному образованию и просвещению среди исламского населения.¹⁰ Ударными темпами шло строительство мечетей, количество которых стремительно росло: если в 1978 г. на территории СУАР их было 2000, то в 1999 – уже 23000.¹¹ Сильное влияние на процесс возрождения ислама в автономии оказал «внешний» фактор: стремительно увеличилось количество выезжавших на хадж и обучение в религиозных школах мусульман Синьцзяна, кроме того, вслед за открытием границ для работы в регион потянулись иностранные компании и зарубежные спонсоры, которые начали вкладывать деньги в поддержку ислама. В частности, активно спонсировала строительство мечетей Саудовская Аравия.¹² В результате в Синьцзяне, где традиционной формой ислама является суннизм ханифитского толка, начала распространяться ваххабитская идеология.¹³ Так, по данным китайских источников, число лиц, придерживающихся ваххабизма к 1996 г. в Кашгаре составляло уже до 1014 (4 имама, 3 мечети), в Хотанском округе – 8012 (74 мечети, 81 имам), в самом Хотане – 1924 человека (13 мечетей, 23 имама).¹⁴

Несмотря на то, что происходившее в те годы возрождение ислама было связано, скорее, с укреплением идентичности, основанной на культуре и религии, чем с экспансией исламистской идеологии, возвращение ислама в культурное поле автономии обеспечило благодатную идеологическую почву для радикалов.¹⁵ Во многих медресе, во главе которых стояли соответствующие настроенные имамы, слушателям прививались радикальные взгляды. Такие места играли важную роль в вербовке новых бойцов для войны в Афганистане, а позднее в них стали набирать рекрутов для противостояния американскому вторжению.¹⁶ Кроме того, в результате интенсификации трансграничных контактов, с 1980-х гг. уйгуры Синьцзяна были вовлечены в исламистские джихадистские движения в регионе; многие из них отправились в Пакистан и пополнили ряды афганских моджахедов. Сотни уйгуров начали обучение в медресе Пакистана, оттачивая полученные навыки в ходе военных действий в Афганистане сначала в рядах Исламской партии Афганистана, а потом и на стороне талибов.¹⁷

Как отмечал К.Сыроежкин, идеальные условия для политического ислама появляются там, где возможности власти по консолидации общества существенно снижаются, а уровень ожиданий и уровень реальной жизни значительно расходятся.¹⁸ Именно ухудшение социального самочувствия значительной доли населения Синьцзяна, сопряженное с неспособностью политического режима эффективно и последовательно решать задачи политического и социально-экономического характера, просчеты китайских

политиков в прошлом, к началу 1990-х гг. создали питательную среду для роста радикализма на волне усиливающихся антиханьских настроений.

Наряду с комплексом проблем регионального развития, эскалации насилия значительно способствовала ухудшившаяся вслед за началом реформ экономическая ситуация в районе. Дело в том, что для Синьцзяна, где на протяжении трех десятков лет после провозглашения КНР доля государственного участия в экономике была особенно высока и обеспечивала необходимый уровень занятости и доходов населения, реформы 1980-х гг. обернулись целым рядом негативных последствий. В результате реформы государственных предприятий огромное количество людей, занятых в государственном секторе во времена Мао, остались не у дел.¹⁹ Несмотря на рост среднего класса, который стал возможен благодаря либерализации экономики, уйгурское (особенно сельское) население столкнулось с проблемой интеграции в рынок труда, формируемый потребностями бурно развивающегося частного сектора, где роль «первой скрипки» уже играли более квалифицированные и предприимчивые ханьцы.²⁰ Ряд западных исследователей зафиксировали рост недовольства уйгурского населения тем, что соискатели-ханьцы на рынке труда, как правило, получали лучшие места, сталкиваясь с меньшим количеством проблем при поиске работы, в частности, благодаря тому, что работодатели-ханьцы неохотно нанимали уйгуров, считая их менее квалифицированными специалистами.²¹

В итоге комплекс накопившихся к концу 1980-х гг. внешних и внутренних предпосылок уже к началу 1990-х привели в действие бомбу «уйгурского сепаратизма». В 1990-е гг. произошел резкий всплеск активности сепаратистов практически во всех районах СУАР, а характер их действий приобрел жесткую и демонстративную форму: стали происходить вооруженные нападения на ханьцев и полицейских, взрывы в административных зданиях и пассажирских автобусах, участились случаи массовых беспорядков и открытого сопротивления китайским властям. Активизировали свою деятельность действующие под исламистскими лозунгами радикальные сепаратистские формирования.

В ответ на грозные вызовы времени китайское руководство приняло новую стратегию в отношении автономии. С одной стороны, она характеризовалась усилением мер государственного контроля, жесткой и бескомпромиссной борьбой с любыми признаками сепаратизма, экстремизма и терроризма. Купирование внешних рисков (на центральноазиатском направлении) было обеспечено созданием регионального механизма ШОС. С другой стороны, ключевым элементом стратегии по стабилизации ситуации в Синьцзяне стали шаги в направлении развития экономики района, создания условий для эффективного развития и роста производства на его территории. Для повышения уровня жизни коренных народов 17 июня 1999 г. КНР объявила о начале рассчитанной до 2050 г. Программы развития Западного Китая, в соответствии с которой Синьцзян развивается и по сей день. На текущем этапе реализации программы приоритет отдается развитию промышленности (ключевую роль для Синьцзяна играет энергетический сектор).²² Кроме того, особое внимание уделяется развитию транспортной инфраструктуры,

обеспечивающей связь экономики Синьцзяна с соседними регионами Центральной и Южной Азии.²³

Несмотря на бурный рост экономики Синьцзяна, одним из ключевых вызовов стабильности регионального развития по-прежнему остается нерешенность ключевых социальных проблем. Это связано с тем, что освоение запасов природных ресурсов и реализация масштабных инфраструктурных проектов, на которые делается ставка на современном этапе, требуют большого количества квалифицированных специалистов. Среди коренного населения региона высококлассных специалистов немного, а возможности для оперативной подготовки такого рода кадров непосредственно внутри СУАР пока ограничены. Именно поэтому большую часть работников на добывающих и строительных предприятиях Синьцзяна составляют выходцы из центральных и восточных провинций Китая, которые и являются главными бенефициарами процесса модернизации региона. При этом положение широкой прослойки бедного автохтонного населения меняется крайне незначительно. Показательны в этой связи данные исследования Б.Калтмана, проводившего интервью с уйгурами в Урумчи в 2000-е гг.: 88% опрошенных им уйгуров полагали, что ханьцы занимают их рабочие места. Примечательно, что этот показатель снижался до 50%, когда в выборку включались только квалифицированные работники.²⁴ Иными словами, костяк социальной базы антиханьского протеста сегодня формируется в социальных низах, среди, как правило, малообразованной прослойки уйгурского населения, которая сталкивается с серьезными проблемами выживания в новых условиях «китайской модернизации» Синьцзяна. Наиболее простым и «понятным» выходом для таких людей в складывающихся не в их пользу обстоятельствах становится социальная маргинализация. Ислам в этой ситуации, выступая в роли символического оплота против «внешнего врага», притягивает к себе мощный протестный ресурс. Именно этим пользуются находящиеся за пределами КНР радикалы, вербуя в свои ряды оказавшуюся «за бортом» динамики экономического развития уйгурскую молодежь, восприимчивую к призывам построить справедливое исламское государство.

События 2013–2014 гг. в Китае продемонстрировали, что конфликтный потенциал уйгурского сепаратизма в КНР сегодня, как и в начале 1990-х гг., по-прежнему определяется «взрывным» сочетанием фактора внешнего влияния и комплекса внутрирегиональных проблем, формирующих благодатную почву для распространения радикальных взглядов. Наиболее яркий пример «внешнего» фактора дестабилизации обстановки представляет собой деятельность Исламского движения Восточного Туркестана, с 1998 г. базирующегося за пределами КНР. Деятельность именно этой организации стоит за очередной волной эскалации террористического насилия на территории КНР.

II.

Согласно информации, представленной на заблокированном с 2008 г. официальном сайте ИДВТ, свою историю движение ведет от сформированной еще в 1940-е гг. Туркестанской исламской партии («Хизб уль Ислами Ли-

Туркестан»²⁵ У истоков ТИП стояли три человека, по странному стечению обстоятельств носивших одинаковые имена: Абдул Махдум, Абдул Хаким и Абдул Хамид. Созданная ими организация принимала активное участие в ряде антикитайских бунтов в период с 1940–1952 гг., но позднее распалась, а ее лидеры были убиты или схвачены, и вплоть до начала 1980-х гг. группировка считалась неактивной.²⁶ Однако, в 1979 г. из тюремного заключения на свободу вышел А.Хаким. Его освобождение совпало с началом реформ Дэн Сяопина, которые сопровождались открытием границ, ослаблением государственного контроля внутренней жизни Синьцзяна, возрождением ислама в автономии. А. Хаким основал в районе Кашгара исламскую школу, которая и стала одним из тех мест, где идеи прежней Туркестанской исламской партии передавались будущим членам ИДВТ. Так, например, в 1984–1989 гг. в этой школе проходил обучение один из будущих лидеров ИДВТ Хасан Махсум.²⁷ Возрождение движения в 1980-е гг. было связано с еще одним человеком – Уддином бин Юсефом, которому удалось завербовать в организацию новых членов и обучить их. Уже в апреле 1990 г. отряд ИДВТ принял участие в восстании в городе Барене.²⁸ Волнения в апреле 1990 г. в Барене стали первым наиболее значительным конфликтом с участием уйгурских сепаратистов за все время после освобождения Синьцзяна в 1949 г. Повстанцы тогда в течение трех недель удерживали город под своим контролем, и для подавления восстания официально Пекину впервые после событий на площади Тяньаньмэнь для наведения порядка пришлось самолетами перебросить войска.²⁹ Как отмечают авторы книги об ИДВТ журналисты Рид и Рашке, события 1990 г. в Барене имели далеко идущие последствия как для Синьцзяна, так и для ИДВТ. Дело в том, что после подавления восстания последовала волна ответных мер со стороны китайских властей: расследования, аресты и тюремные сроки для организаторов и участников событий. Однако, направленные на стабилизацию внутрирегиональной ситуации меры привели к противоположным результатам – тюрьмы, в которых вместе оказались члены ИДВТ и случайные участники событий в Барене, превратились в вербовочные лагеря, где радикальная идеология движения получила широкое распространение.³⁰

После смерти А.Хакима в 1993 г. руководство ИДВТ на непродолжительный период перешло к Абдулу Рехмену и Мухаммеду Тухиту, но им не удалось сохранить единство организации, и вскоре она распалась. Возрождение группы в том ее виде, в котором она известна и сегодня, относится к концу 1990-х гг. и связано с человеком по имени Хасан Махсум.³¹ О Махсуме из открытых источников известно немного. Рид и Рашке пишут о том, что после обучения в одной из основанных А.Хакимом школ, он принимал участие в восстании в Барене, после которого несколько раз приговаривался к тюремному заключению (в мае 1990 – ноябре 1991 г., в 1993–1996 и 1996–1997 гг.). Тюремное заключение повлияло на мировоззрение Махсума, усилив радикализм его взглядов. После освобождения Махсум принял решение сформировать боевую группу, с целью чего он предпринял ряд поездок за рубеж, где рассчитывал в среде уйгурской диаспоры найти поддержку и получить финансирование. Так, с января по март 1997 г. Махсум побывал в Пакистане, Турции и Саудовской Аравии, где встречался с ключевыми

лидерами уйгурской эмиграции, эмирами и лидерами различных групп, обсуждал вопросы методологии достижения перемен, однако, заинтересовать их не смог. Очевидно, серьезные вопросы вызвали фундаменталистские взгляды Махсума. Кроме того, Махсум, в понимании лидеров эмиграции был человеком новым для «мировой сцены», а потому с «наивным политическим восприятием и извращенным пониманием реальности». Призыв Махсума не был воспринят всерьез, а его исламистский уклон рассматривали как отсталость.³²

После ряда неудачных попыток найти помощь за рубежом, а также в связи с обострением ситуации в Синьцзяне после волнений в Ичине в феврале 1997 г. Махсум и его ближайшее окружение переправились через границу КНР, и уже в сентябре 1997 г. группа находилась на территории подконтрольного талибам Кабула. Решение о создании боевой организации на базе успешного к тому моменту распавшегося Исламского движения Восточного Туркестана было принято Махсумом совместно с Абудукадиром Япучаном тогда же, в сентябре 1997 г., когда оба находились уже на территории Пакистана.³³ В марте 1998 г., когда в группе уже состояло около 12 членов, у ИДВТ появилась оформленная идеология.³⁴

В период, когда у власти в Афганистане находились талибы, страна представляла собой безопасное убежище для целого ряда радикальных организаций, а потому вплоть до 2001 г. ИДВТ было расквартировано в укрепленном районе в горах Тора-Бора. Известно, что на территории Афганистана боевики ИДВТ проходили подготовку в тренировочных лагерях в Кабуле, Мазари-Шарифе, Кундузе, Херате, Кандагаре, Шибаргане и Вардаке. Кроме того, в составе сил «Талибана» был создан так называемый «Китайский батальон Туркестанской армии» (до 320 человек).³⁵ После начала военной операции сил США и их союзников в Афганистане и падения режима талибов центром базирования ИДВТ стал пакистанский Вазиристан.³⁶

Сам факт пребывания ИДВТ в Афганистане вплоть до 2001 г. свидетельствует об установившихся уже тогда тесных связях между «Талибаном», «Аль-Каидой» и ИДВТ. Тем не менее, история этих отношений оставляет ряд вопросов. Х.Махсум, например, в ряде своих заявлений отрицал связи движения с «Аль-Каидой». В телефонном интервью радиостанции «Свободная Азия» в 2002 г. он заявил, что организационных связей с «Аль-Каидой» или движением Талибан ИДВТ не имеет, а «членство нескольких уйгур в Талибане не означает, что ИДВТ имеет с ним отношения».³⁷ Однако в 2004 г., спустя два года после заявления Махсума, в интервью «The Wall Street Journal» представившийся вице-эмиром ИДВТ Абдулла Кариаджи подтвердил факт существования связей ИДВТ со структурами «Аль-Каиды» в период, предшествовавший терактам 11 сентября. Кариаджи тогда заявил, что он лично принимал участие в состоявшейся в 1999 г. встрече с бен Ладеном в Кандагаре, а также подтвердил факт участия бойцов ИДВТ в составе отрядов «Аль-Каиды» в борьбе против сил контингента НАТО (ISAF) в Афганистане.³⁸ Такие противоречивые заявления могут иметь целый ряд объяснений, но наиболее вероятным доводом представляется противоречивый характер самих отношений между организациями в тот период. Так, с первого дня

восстановления ИДВТ в сентябре 1997 г. Махсум видел своим главным врагом Китай, однако талибы эти цели лидера ИДВТ не разделяли. В своей автобиографии «Моя жизнь в Талибане» Абдул Салам Заиф, служивший послом в Пакистане до 2001 г., упоминал, что представители ИДВТ встречались с Муллою Омаром в Кандагаре, где разговор шел о поддержке антикитайской деятельности ИДВТ. Тем не менее, та встреча окончилась безрезультатно для ИДВТ.³⁹ Отказ талибов на тот момент мог быть связан с нежеланием портить отношения с могущественным Китаем, которого талибы могли рассматривать в качестве возможного союзника в борьбе против США. Особенно вероятным такое объяснение неудавшейся попытки сотрудничества талибов и ИДВТ выглядит в контексте заявлений, сделанных в тот период лидером «Аль-Каиды». Так, в целом ряде своих выступлений бен Ладен обвинял США в направленной против Китая политике, намекая тем самым на возможность сотрудничества талибов и КНР: «США провоцируют конфликт между Китаем и мусульманами. Мусульмане Синьцзяна обвиняются во взрывах в Пекине. Но я думаю, что эти взрывы были спонсированы американским ЦРУ. Если Афганистан, Пакистан, Иран и Китай объединятся, Соединенные Штаты и Индия станут неэффективны».⁴⁰ Более существенную поддержку Х.Махсуму бен Ладен и талибы начали оказывать уже после того, как 12 сентября 2001 г. в ходе разговора между главами США и КНР стороны договорились наладить сотрудничество в борьбе с терроризмом, а китайская делегация в СБ ООН поддержала Резолюцию 1368.⁴¹ По информации постоянной миссии КНР при ООН, в октябре 2000 г. бен Ладен открыл поток финансирования для ИДВТ, и уже в течение следующего года Махсум получил порядка 300 тыс. долл.⁴²

Махсум был убит 2 октября 2003 г. в результате совместной операции вооруженных сил США и Пакистана недалеко от местечка Ангур Ада в Южном Вазиристане.⁴³ После уничтожения Х.Махсума в течение продолжительного периода организация никак себя не проявляла, упоминания о ней перестали фигурировать в информации открытых источников. Такое внезапное исчезновение группы даже заставило ряд экспертов полагать, что ИДВТ прекратило свое существование.

Однако в 2006 г. стало известно, что новым лидером ИДВТ стал Абдул Хак.⁴⁴ После продолжительного затишья, последовавшего вслед за уничтожением Х.Махсума, в интернете было опубликовано видеообращение А.Хака, в котором он, по сути, заявил о переименовании ИДВТ в Исламскую партию Туркестана. Он отметил, что «...Исламская партия Туркестана была учреждена как продолжение Джихадистского движения Восточного Туркестана в 1989 г. под руководством Уддина Юсуфа».⁴⁵ А в одном из подготовленных в 2009 г. видео, выпущенном уже от имени ИПТ, сообщалось, что в период, последовавший за уничтожением Махсума, созданное им ИДВТ своего существования не прекращало, но его члены объединились с другими джихадистами из Узбекистана и других центральноазиатских республик, которые перебирались на территорию Пакистана после начала операции в Афганистане.⁴⁶ Следует отметить, что та аббревиатура, под которой группу знают благодаря материалам СМИ – ИДВТ – закрепилась во многом благодаря докладу, опубликованному в 2001 г. информационным бюро Госсовета КНР.⁴⁷

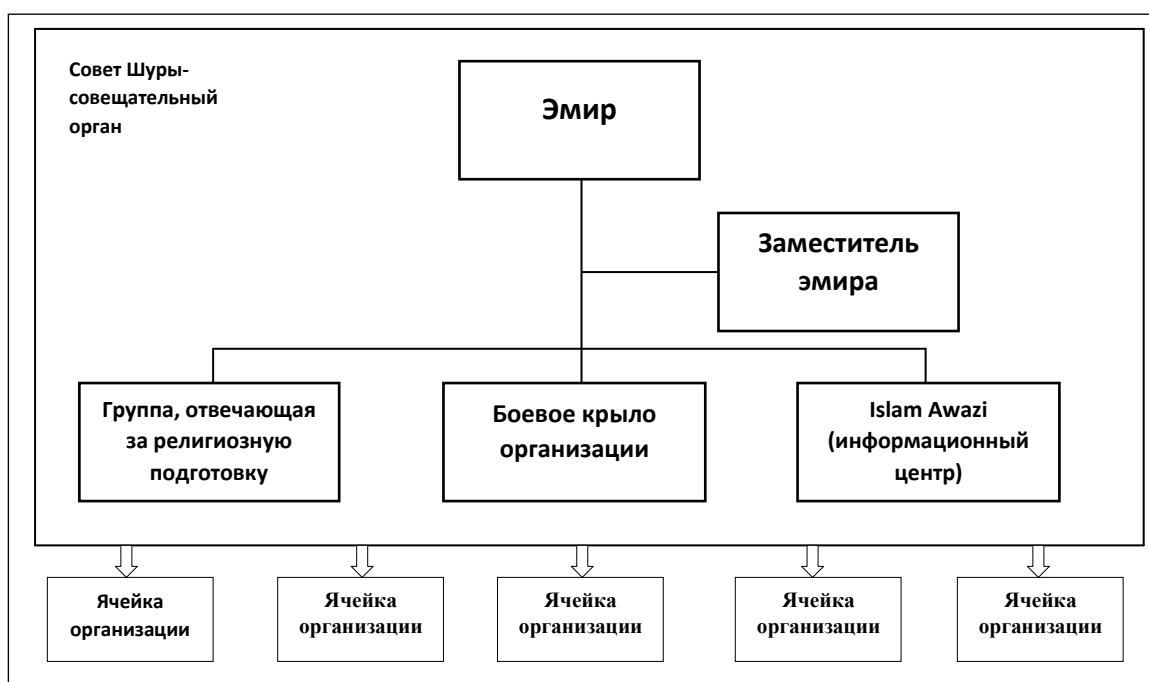
Сами же уйгуры возрожденную Махсумом организацию называли Исламская партия Восточного Туркестана (ИПВТ), и, когда из названия убрали прилагательное «восточный», подчеркивающее уйгурское происхождение большинства ее членов, акцент был сделан на весь центральноазиатский регион. Потому формулировка «переименование» не совсем точно передает смысл изменений, ведь речь скорее шла об отраженной в названии трансформации в структуре и идеологии.

Период 2003–2010 гг., когда во главе организации стоял А.Хак, совпал по времени с проведением антитеррористической операции в Афганистане и характеризовался набиравшими силу на территории северо-западного Пакистана процессами, которые среди китайских специалистов по безопасности известны как «переобъединение террористических сетей» – активная кооперация различных террористических организаций, базирующихся на территории Вазиристана.⁴⁸ Для ИДВТ (ИПТ) процесс «переобъединения» выражался в идеологической конвергенции с «Аль-Каидой», Исламским движением Узбекистана и другими близкими им организациями. Помимо сближения идеологических доктрин, отчасти происходило и «сращивание» состава организаций, что значительно усилило обновленную ИПТ. А.Хак в обновленной структуре ИПТ объединил большое количество рассеянных по территории Вазиристана групп радикалов, перебравшихся туда вслед за началом операции в Афганистане. Именно благодаря вхождению в состав группы большого количества членов Исламского движения Узбекистана в России ИПТ воспринимают как структурное подразделение ИДУ.⁴⁹ Одной из причин отождествления ИДУ и ИПТ в научном и публицистическом дискурсе может стать публикация статьи А.Хака в «Голосе Туркестана», в которой глава ИПТ отметил, что в 2001 г. глава движения Талибан Мулла Омар просил превратить ИДУ в зонтичную структуру для уйгуров из Афганистана.⁵⁰ Несмотря на это, отождествление ИПТ и ИДУ не вполне корректно, поскольку необходимо понимать, что, во-первых, костяк организации после «перереформатирования» в 2003–2006 гг. все же составили именно уйгуры – члены бывшего ИДВТ, а во-вторых, организация сохраняет выраженный антикитайский характер.

Одним из проявлений процессов «переобъединения» на территории Вазиристана иногда считают и якобы имевшее место назначение А.Хака в 2005 г. членом Совета Шуры «Аль-Каиды».⁵¹ По некоторым данным, в том же 2005 г. организация даже приняла устав «Аль-Каиды».⁵² Кроме того, 16 ноября 2008 г. назвавший себя представителем «Аль-Каиды» человек по имени Мухаммад Уйгури якобы сообщал, что Усама бен Ладен назначил продолжавшего в тот момент возглавлять ИПТ Абдул Хака Туркестани новым лидером ранее неизвестной организации «Аль-Каида в Китае».⁵³ Однако достоверность существования отделения «Аль-Каиды» в КНР вызывает сомнения. За исключением заявления Уйгури, других фактов, свидетельствующих в пользу этого, нет. Однако одной из возможных причин, стоящих за такого рода заявлением, как раз могли стать близкое сращивание и координация внутриорганизационных процессов управления базирующихся на территории Пакистана организаций.

В период после 2003 г. сформировалась и структура движения, которая была организована по аналогии со многими другими радикальными исламистскими организациями. Схема управления ИДВТ (ИПТ), впервые представленная в книге Рида и Рашке «ИДВТ: китайские исламисты и глобальная террористическая угроза», была составлена на основе анализа материалов из открытых источников, а также статей и видео, опубликованных через различные каналы самими членами организации.⁵⁴ После уничтожения А.Хака структура организации не изменилась, а потому приведенное ниже ее описание актуально и на современном этапе. Как и в большинстве других организаций радикально-исламистского толка, центральным органом управления ИПТ является возглавляемый эмиром Совет Шуры (Меджлис Шура). Помимо возглавляющего Совет эмира, в его состав входят руководители трех основных подразделений организации: боевого крыла, группы, отвечающей за религиозную подготовку, и информационного центра.⁵⁵ Эти три подразделения подчиняются эмиру, исполняют решения Совета Шуры и являются центрами координации деятельности организации по ключевым направлениям. Управление разветвленной сетью ячеек организации, часть из которых функционирует на территории СУАР, а другая – за его пределами, осуществляется на расстоянии, поскольку сами члены руководства базируются в замаскированных районах на территории Пакистана.

Рис. 1. Структура ИПТ

Источник: Reed T.J., Raschke D. The ETIM, China's Islamic militants and the Global Terrorist Threat. – Santa Barbara: Greenwood, 2010. P. 50.

Абдул Хак был уничтожен 15 февраля 2010 г. в результате атаки беспилотника в Северном Вазиристане.⁵⁶ Новым главой Исламской партии Туркестана стал Абдул Шакур аль-Туркистани. В открытых источниках

информации о нем содержится немного. Кроме того, в различных документах этот человек появляется под разными именами, а потому не всегда понятно, имеется ли ввиду он или кто-то другой. О его биографии известно, что в ноябре 1996 г. он переправился через границу с Пакистаном, где прошел курс террористической подготовки, и уже в сентябре 1998 г. стал членом ИДВТ.⁵⁷ После 2001 г. А.Шакур отвечал за обустройство тренировочных лагерей на территории Пакистана. В 2011 г. он якобы был назначен командующим дислоцированными в пакистанской зоне племен силами «Аль-Каиды».⁵⁸ Абдул Шакур аль-Туркистани был уничтожен 24 августа 2012 г. в результате атаки дронов на тренировочный лагерь в Северном Вазиристане.⁵⁹ После уничтожения А.Шакура в 2012 г. ИПТ возглавил человек по имени Абдулла Мансур. До 2012 г. он был известен экспертам, прежде всего, как куратор информационного крыла ИПТ, а с 2009 г. был главным редактором «Исламского Туркестана».⁶⁰

С 2001 г. уже на протяжении 13 лет костяк организации постоянно находится за пределами КНР, в Вазиристане. Как отмечалось в сообщении китайских властей после теракта в Куньмине, именно там ИПТ содержит тренировочный лагерь.⁶¹ По словам бывшего министра внутренних дел Пакистана (в 2008–2013 гг.) Рехмана Малика, за пять лет его пребывания на посту Пакистаном Китаю было передано 20 уйгурских террористов. Однако, несмотря на это, сегодня Вазиристан продолжает оставаться главным внешним очагом террористической опасности для Китая. По данным пакистанской разведки, на нескольких замаскированных в окрестностях города Мир-Али базах продолжают оставаться порядка 400 боевиков организации.⁶² По данным китайских силовиков, эта цифра варьируется в пределах 50–200 человек.⁶³ Несмотря на все усилия, предпринимаемые специальными службами ряда стран, обнаружить точное местоположение лагерей ИДВТ пока не удается.

III.

Эволюция идеологии ИДВТ прошла путь от уйгурского национализма, борьбы за независимый Уйгурстан до призывов к джихаду как единственному пути спасения для мусульманских народов Восточного Туркестана. Наиболее радикальный разворот в идеологии организации произошел в 1997 г., когда Х.Махсум и его ближайшие сподвижники окончательно утвердились в мысли о том, что «лишь путь джихада – это единственный способ предотвратить нападки и несправедливость».⁶⁴ Совмещение в идеологии политических целей и религиозного радикализма лишало движение возможности получить поддержку со стороны умеренных или преследующих строго политические цели уйгурских националистических организаций. Поэтому вероятно, что, восстанавливая организацию в 1997 г., Махсум уже тогда рассчитывал на сотрудничество с набиравшими силу радикальными исламистами за рубежом. В свою очередь, международные радикалы увидели в ИДВТ родственную организацию, идеологические установки которой соответствовали их собственным, а цели отвечали планам восстановления Халифата. Айман аз-Завахири уже в 2001 г. писал о Восточном Туркестане как о неотъемлемой части «исламских земель», что, по его мнению, предопределяло необходимость

для народов Синьцзяна вместе с другими муджахеддинами вести священную войну против Запада.⁶⁵ В «Манифесте Аль-Каиды» аз-Завахири также говорил о том, что власть исламского движения представляет собой союз джихадистских движений по всей исламской умме: от Чечни на севере до Сомали на юге, от Восточного Туркестана на востоке до Марокко на западе.⁶⁶

Идеология ИДВТ претерпела ряд существенных изменений в результате сближения движения с другими радикальными организациями в конце 1990-х – середине 2000-х гг. Особую роль в этом сыграло Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Влияние ИДУ способствовало усилению пантюркистской составляющей в идеологии ИДВТ, что в конечном итоге привело к изменению названия организации на Исламскую партию Туркестана. Осознанная апелляция к географическому термину «Туркестан», который традиционно использовался для обозначения территорий, расположенных к востоку от Каспийского моря и западу от пустыни Гоби и разделявшихся на две части: Туркестан Западный (русский, куда входили территории современных Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, южного Казахстана, Туркмении) и Восточный (китайский, т. е. Синьцзян) – отражает расширение географии мандата ИПТ на запад. В одном из видеообращений организации Успан Батир, этнический казах и член ИПТ, подчеркнул, что ее идеология подразумевает отказ от национальностей: «Существует линия, искусственно проведенная неверными между нами, которая говорит нам – что ты из Казахстана, Туркестана, Узбекистана или Киргизии... Религия не была ниспослана одним лишь казахам, или уйгурам, или арабам.... Не разъединяйтесь. Аллах сказал, не разделяйтесь, он не разделял вас на Казахстан, Туркестан и Узбекистан».⁶⁷

Что касается транснационального радикального исламизма, то его влияние на ИДВТ (ИПТ), в первую очередь, выразилось в том, что доктрина джихада окончательно закрепились в качестве основы идеологической платформы организации, а также в заимствовании стилистики политической риторики и методов борьбы. Одной из характерных особенностей идеологической доктрины ИДВТ сегодня является богословская риторика обоснования политических целей. Иными словами, необходимость вооруженной борьбы против Китая – это не политическая воля лидеров партии, но воля Аллаха. В 2008 г. в одной из статей журнала «Туркестан аль-Исламия» на тот момент еще отвечавший за пропаганду А.Мансур писал: «Всемогущий Аллах говорил: “Борьба предопределена для тебя, а ты чужд ее. Но так возможно, что ты не любишь то, что хорошо для тебя, и любишь то, что причиняет тебе вред. Но Аллах все знающ, а ты – нет”».⁶⁸ Как и в риторике многих других радикалов, в призывах ИДВТ «терроризм» и исламский фундаментализм слиты воедино. Так, например, еще один видный представитель организации, известный как командир Сейфулла (также известный как Емети Якуф и Айбу Абудурахман), в одном из видеообращений говорил: «Дорогие братья, знайте, что путь, которым мы призываем вас следовать, – это не терроризм, варварство или манипулирование, как говорят неверные своими погаными языками. Но это путь совершенства и славы, как завещал Аллах своим людям».⁶⁹

Несмотря на последствия процессов сближения ИДВТ (ИПТ) с другими организациями, конвергенцию идеологий и частичное пересечение состава, ИПТ на протяжении всего периода своего существования сохраняла антикитайскую ориентацию. Ряд источников свидетельствует о том, что антикитайская направленность ИПТ неоднократно становилась причиной напряженности и споров между ИДВТ и такими структурами, как ориентированная на подчеркнуто глобальные цели «Аль-Каида».⁷⁰ В 2008 г. в одном из видеообращений член ИДВТ (ИПТ), назвавшийся Шейхом Баширом, ответил на упреки других радикалов, представив следующее обоснование антикитайского акцента организации: «Тем нашим братьям, которые не соглашаются с нами и спрашивают: “Почему Вы сражаетесь с Китаем в то время как другие мусульмане сражаются с американцами и НАТО?” – мы отвечаем: Всевышний определил, что борьба с ближайшими врагами предшествует борьбе с врагами дальними, ибо тот, кто находится рядом, представляет реальную угрозу для мусульман, как в Восточном Туркестане, в то время как враги дальние не представляют прямой угрозы для мусульман».⁷¹ Лидеры и идеологи ИПТ традиционно ориентировались именно на Синьцзян как на основной источник пополнения социальной базы движения. Для аккумуляции протестных сил и их консолидации на своей идеологической платформе, они активно использовали в риторике проблемы уйгуров как аргументы для пропаганды джихада. Так, например, на заблокированном в 2008 г. официальном сайте ИДВТ (ИПТ) были собраны многочисленные, описанные в деталях факты притеснений уйгуров. В 2011 г. ИПТ распространило письменное обращение А.Шакура, в котором он подчеркивал неизменный характер ориентации организации на проблемы Синьцзяна и выразил озабоченность притеснениями уйгуров в СУАР. В своем обращении он также апеллировал к традиционно болезненным для уйгуров вопросам – таким, как политика ограничения рождаемости, поток китайской иммиграции в Синьцзян, «способствующий маргинализации мусульманского населения», последствия ядерных испытаний, эксплуатация природных ресурсов Туркестана и система всеобщего обязательного образования, которая, по его словам, «приводит к вероотступничеству мусульман».⁷² В близком по содержанию видеообращении Шакура также содержался призыв к возмездию: «Братья, если не сражаться с китайцами, а лишь разговаривать, они никогда не покинут нашу землю. Земля, которую они захватили с оружием в руках, может быть отвоевана назад тоже только с оружием», «единственный способ для нас избавиться от тирании – это вести джихад».⁷³

Антикитайские лозунги и сейчас присутствуют практически в каждом видеообращении ИПТ. 14 марта 2014 г., спустя две недели после теракта на железнодорожном вокзале в Куньмине, информационное агентство «Рейтер» опубликовало материалы телефонного интервью с Абдуллой Мансуром, нынешним лидером ИПТ. Интервью было достаточно коротким, но даже в ходе него А.Мансур дал понять, что антикитайская направленность организации неизменна: «Борьба с Китаем – это наша обязанность перед Аллахом, и мы должны исполнять ее... Мы сообщаем Китаю, что люди Восточного Туркестана пробудились. Они [китайцы] не смогут угнетать нас и ислам и дальше.

Мусульмане будут мстить. Китай не просто наш враг, но и враг всех мусульман... Мы планируем целый ряд атак в Китае», – заявил тогда лидер ИПТ.⁷⁴ Характерно, что сегодня антикитайскую направленность могут принимать и ряд близких ИПТ и также базирующихся на территории Пакистана радикальных организаций, что подтвердил муфтий Исламского движения Узбекистана Абу Зарр аль-Бурми в одном из своих видеообращений в 2013 г., когда указал на то, что Китай может стать следующим «врагом № 1».⁷⁵

Несмотря на сохраняющийся антикитайский вектор ИПТ и ее ориентацию на проект Восточного Туркестана, на современном этапе развивается еще один важный процесс – дальнейшее расширение географии интересов организации, рост внимания ИПТ к транснациональной повестке дня, укрепление ее связей с радикальными исламистами в других регионах мира. И если на протяжении 1990-х и 2000-х гг. география связей ИДВТ не выходила за пределы соседних с Китаем государств: Афганистана, Пакистана и республик Центральной Азии, то сегодня ИПТ активно расширяет сотрудничество с организациями, расположенными вне непосредственных границ региональной зоны ее интересов. Очевидно, что рост внимания ИПТ к более широкого транснациональной повестке дня обусловлен не просто поиском союзников для борьбы за «земли ислама» против общих врагов, но и видением, в более отдаленной перспективе, будущего Восточного Туркестана в составе обширного Исламского халифата под знаменами ислама. Эти цели организации уже когда-то были зафиксированы в первом параграфе устава движения, где было отмечено, что члены ИДВТ «поднимаются на джихад совместно с муджахеддинами со всего мира... с целью восстановить Исламский Халифат».⁷⁶

Джихадистская платформа сближает организацию с другими радикальными исламистскими группировками на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, странах Магриба (арабской Северной Африки) и района Африканского Рога (Восточной Африки). Сегодня достоверно известно об участии боевиков ИПТ в конфликте в Сирии на стороне оппозиции.⁷⁷ В 2013 г. в журнале «Исламский Туркестан» был опубликован ответ движения на обвинения КНР в поддержке антиправительственных сил в Сирии: «Если Китай имеет право поддерживать Башара Асада в Сирии, мы имеем полное право поддерживать гордый сирийский мусульманский народ».⁷⁸ В недавно опубликованных видеообращениях ИПТ также содержатся призывы к поддержке мусульманского народа рохинджа в Мьянме, где в 2012 г. произошли межэтнические столкновения. Как отметил Ли Вэй, эксперт по вопросам борьбы с терроризмом, ИДВТ сегодня действует не только в Сирии, но и сотрудничает с радикальными исламистами в Ираке.⁷⁹ Идущие сегодня процессы укрепления транснациональных связей и взаимодействия террористических организаций разного уровня и из разных регионов позволяют сделать предположение о том, что окончательную точку в истории ИПТ поставить можно будет еще очень нескоро.

IV.

Стабильное развитие Китая сегодня напрямую связано со стабильностью и спокойствием у его западных границ. Говоря о рисках для Китая, связанных с активизацией радикального ислама в афгано-пакистанской зоне, важно понимать, что ИПТ – это не самая страшная угроза интересам КНР. Более серьезные опасения в Пекине вызывает потенциальная возможность активизации большого количества сконцентрированных в зоне афгано-пакистанской границы радикальных формирований и возможность их переориентации на КНР.

Один из высокопоставленных китайских чиновников еще в середине 1990-х гг. указывал на то, что Китаю необходимо «использовать экономическое развитие для того, чтобы поддерживать стабильность, и быть политически стабильным для того, чтобы гарантировать экономическое развитие».⁸⁰ Этот императив политики КНР не утратил своей актуальности и в наши дни: делая ставку на развитие экономики как ключевой элемент в борьбе с вызовами политической стабильности, КНР стремится запустить большое количество проектов, призванных активизировать международные экономические связи и торговлю. Ключевой опорой продвижения китайских интересов в Южной Азии стал Исламабад, для которого китайские инвестиции – это возможность вырваться из порочного круга раздирающих страну экономических и социальных проблем. Территориальная близость Синьцзяна в этом контексте представляет колоссальные возможности для развития трансграничной инфраструктуры, которая способствовала бы развитию удаленных территорий Пакистана. После того, как в июне 2013 г. к власти в Исламабаде пришел Н.Шариф, Китай стремительно начал увеличивать объем инвестиций в пакистанскую экономику, выделяя финансирование для реализации масштабных проектов в Пакистане. После визита Н.Шарифа в Китай в июле 2013 г. (ставшего первой зарубежной поездкой пакистанского премьера) стороны договорились о реализации программы «Китайско-пакистанского экономического коридора» (СРЕС),⁸¹ двумя конечными точками которого должны стать южная столица Синьцзяна – Кашгар – и порт Гвадар в пакистанском Белуджистане. Проект подразумевает развитие шоссейной, железнодорожной, нефте- и газотранспортной инфраструктуры. Реализация такого масштабного проекта, в конечном счете, должна превратить Пакистан в транзитную зону для экспорта китайских товаров, в то время как выход к Аравийскому морю через Гвадар позволяет Китаю диверсифицировать энергобезопасность страны, получив альтернативный доступ к сырью Персидского залива и Африки. В целом же обширная программа участия китайских инвесторов в развитии проектов на территории Пакистана подразумевает реализацию 37 проектов общей стоимостью 39,553 млрд. долл. Наиболее крупные из них – возведение энергетического парка в Гадани (5,9 млрд. долл.), станции в Порт-Касиме (1,98 млрд. долл.), гидроэнергетического проекта в Лохаринаг Пала (2,4 млрд. долл.), энергопарка в Бахавалпуре (1,35 млрд. долл.), модернизация железнодорожного участка Карачи–Лахор–Пешавар (3,65 млрд. долл.).⁸² Что касается китайской стратегии

в Афганистане, то 2014 год здесь во многом решающий. Вывод основного контингента США и НАТО формирует в стране «вакуум власти», что также открывает широкий коридор возможностей для экспансии китайского влияния. Ключевая роль в этом процессе также будет за развитием экономики: китайские компании заявляют о своих масштабных планах по началу добычи ископаемых на территории Афганистана,⁸³ хотя и пока осторожно вкладывают реальные средства.

Безусловно, увеличение китайского влияния и присутствия в регионе с одной стороны, и развитие экономики, способствующее укреплению центральной власти в Пакистане – с другой, представляют прямую угрозу дальнейшему беспрепятственному существованию на территории Пакистана радикальных групп. В этой связи заслуживает внимания проповедь тесно связанного с крупнейшим вооруженным радикально-исламистским движением в Пакистане – «Техрик-е Талибан Пакистан» – муфтия ИДУ Абу Зар аль-Бурми (сентябрь 2013 г.). В ней он призывал мусульман нападать на китайские объекты на территории Пакистана, подчеркивая, что экспансия китайских компаний в Пакистан подобна той, что проводила британская Ост-Индская компания в XIX в.⁸⁴ В мае 2014 г. аль-Бурми обратился к боевикам движения Талибана с видеообращением, в котором призвал их противостоять китайской экспансии в Пакистане, заявив, что «вывод американских войск из Афганистана – это победа для движения «Талибан» в регионе, и следующей целью будет Китай».⁸⁵ Очевидно, что со стремлением предотвратить экспансию китайского влияния была связана и интенсификация террористической активности ИПТ в самом Китае в 2013–2014 гг.

V.

Для того, чтобы придать обзору истории и деятельности ИДВТ более полный характер, была составлена хронологическая карта инцидентов, которые, предположительно, были подготовлены членами ИДВТ или за которые ИДВТ взяло на себя ответственность (см. *Хронологию* на с. 54).⁸⁶ В подборку включены события, в которых члены ИДВТ принимали участие, а также атаки, совершенные с применением тактики и техник, свойственных ИДВТ. Одним из источников данных стал выпущенный Информационным бюро Госсовета КНР материал «Силы Восточного Туркестана не уйдут безнаказанными»,⁸⁷ который содержал описание событий, в которых движение принимало участие в период до 2002 г. Этот список был дополнен данными, полученными из работ ряда экспертов по этой проблеме, а также сведениями из материалов СМИ.

Анализ собранных данных позволяет сделать вывод о том, что в 2011 г. (условный рубеж – теракты в июле 2011 г. в Кашгаре) началась новая волна террористической активности ИПТ, «пик» которой пришелся на конец 2013-го – начало 2014 г. В характере произошедших в этот период на территории КНР терактов (неудавшийся захват самолета Хотан-Урумчи, теракт на площади Тяньаньмэнь, теракты на железнодорожном вокзале в Куньмине и на южном вокзале в Урумчи, а также взрывы на рынке в Урумчи) есть общие черты. Они позволяют говорить о новом «террористическом почерке» в деятельности

организации, отличающем события «новой волны» насилия от инцидентов с участием ИДВТ, которые имели место на предыдущих этапах.

Во-первых, обращает на себя внимание изменение характера нападений и механизма выбора целей и мест для терактов. В течение 1990-х гг. объектами нападений ИДВТ становились китайские чиновники и прокитайски настроенные представители исламского духовенства, а со второй половины 2000-х гг. главными объектами атак стали полицейские и сотрудники служб безопасности. Жертвы терактов «новой волны» – это случайные прохожие, оказавшиеся в людных, оживленных местах: посетители кафе в Кашгаре, пассажиры самолета Хотан-Урумчи, туристы на площади Тяньаньмэнь, пассажиры и прохожие, оказавшиеся у железнодорожного вокзала в Куньмине и Урумчи, покупатели на рынке в Урумчи. Проведение терактов в людных, оживленных местах приводит к увеличению «поражающего эффекта» атак и большему числу жертв. В предисловии к выпущенному 21 января 2002 г. информационным бюро Госсовета документу «Силы Восточного Туркестана не уйдут безнаказанными» содержалась информация о 162 погибших и 440 раненых в результате действий целого ряда сепаратистских групп за более чем десятилетний период.⁸⁸ Для сравнения, согласно данным о терактах, полученным из материалов СМИ, в результате атак ИПТ только за первые 6 месяцев 2014 г. погибли 69 человек и еще 309 получили ранения.

Второй заслуживающий внимания момент – это тщательное планирование и подготовка терактов «новой волны». На протяжении 1990-х – 2000-х гг. многие атаки с участием членов и сторонников ИДВТ не обязательно носили тщательно запланированный характер (нападения на военные конвои НОАК, атаки на полицейские участки и патрульные полицейские машины и т. д.). Изучение материалов о подготовленных ИПТ терактах последних лет позволяет сделать вывод о том, что организация изменила тактику проведения атак и начала более системно подходить к планированию и подготовке акций. В общих чертах сценарий подготовки выглядит следующим образом: на территорию Китая забрасывается опытный член организации, прошедший подготовку в тренировочных лагерях в Пакистане. Этот человек осуществляет вербовку будущих исполнителей (преимущественно, из молодежной среды). Далее следует этап планирования теракта (на который уходит от недели до полутора месяцев, в зависимости от обстоятельств), за которым следует непосредственно реализация. Из попавшей в СМИ информации о ходе расследования терактов 2013–2014 гг. известно, что, например, подготовкой теракта на площади Тяньаньмэнь занималась группа из 8 человек, прибывших в Пекин в середине октября 2013 г. (5 из них позднее вернулись в СУАР).⁸⁹ О взрывах на южном вокзале в Урумчи также известно, что их подготовка была начата 22 апреля, за 8 дней до трагедии. Руководил операцией член ИПТ Исмаил Юсуф, до этого пребывавший за границей.⁹⁰

В-третьих, от инцидентов с участием ИДВТ в 1990-е – 2000-е гг. теракты последних лет отличает рекордное количество участников. Так, например, в нападении на ресторан в Кашгаре участвовали 12 боевиков; 10 человек готовили нападение на вокзале в Урумчи;⁹¹ в нападении на полицейский участок в городе Лукэцинъчжэнь участвовали 17 человек;⁹² в Ечэне (Каргалык) –

13.⁹³ Такое большое количество участников нападений позволяет сделать вывод о высоком уровне распространения радикальных взглядов среди определенной прослойки уйгурского населения. Последнее стало возможным благодаря началу активного использования организацией современных интернет-технологий для пропаганды радикальных идей.

Сегодня КНР реализует жесткую и последовательную политику в сфере обеспечения безопасности, уделяя особое внимание таким нетрадиционным угрозам, как терроризм, сепаратизм и экстремизм. Вследствие этого деятельность ячеек ИПТ на территории автономии в значительной мере затруднена. Анализ сведений о деятельности организации и доступных материалов о событиях в Синьцзяне позволяют сделать вывод об ограниченном уровне вовлеченности ключевых членов организации непосредственно в процесс подготовки и проведения терактов. В качестве основной «ударной силы» вербовщики ИПТ привлекают уйгурскую молодежь, вербуемую на основе идей джихада. Поэтому главный упор в деятельности организации сделан именно на пропагандистскую активность, направленную на распространение радикальной идеологии в среде молодежи. Этому процессу в значительной мере способствовали развитие информационных технологий и расширение интернет-покрытия в Синьцзяне. Как свидетельствуют китайские СМИ, расследование произошедших терактов показало, что перед тем, как принять участие в нападениях, большинство участников недавних терактов в Китае просматривали подготовленные ИПТ видео, в которых содержались призывы к насилию.⁹⁴

VI.

Исламская партия Туркестана начала вести активную пропагандистскую деятельность в интернете с 2005 г. За период с 2005 по 2009 г. ИПТ подготовила и разместила на видеохостинге YouTube более пятнадцати видеозаписей.⁹⁵ Тогда же был создан и официальный сайт организации, материалы на котором регулярно обновлялись, размещались видео и статьи. На сайте были опубликованы устав движения, а также материалы по его истории. Однако в 2008 г. сайт прекратил свою работу по неизвестной причине. Наиболее вероятная версия блокировки сайта – кибератака китайских спецслужб, что в целом согласуется с комплексом инициированных властями КНР мероприятий, направленных на обеспечение безопасности подготовки и проведения Олимпиады-2008.

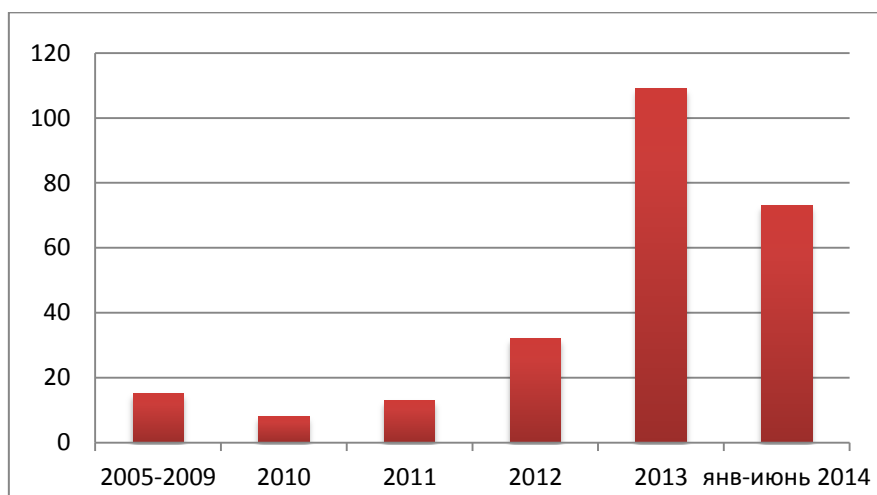
Как отмечает ряд экспертов и аналитиков, начиная с 2006 г. серьезным изменениям подверглась и стилистика подготовленных ИДВТ (ИПТ) пропагандистских материалов: она начала приобретать более ярко выраженный религиозно-экстремистский, джихадистский оттенок.⁹⁶ Подготовленные в этот период материалы стали распространяться при помощи форумов, где традиционно появляются материалы и других транснациональных террористических организаций.⁹⁷ Стилистика пропагандистских видеоматериалов ИПТ также максимально приблизилась к стилистике агитационных фильмов других радикальных исламистских групп, в том числе «Аль-Каиды». Сегодня, как правило, в структуру сюжета

подготовленных ИПТ материалов входят такие элементы, как апелляция к истории, иллюстрирующая несправедливость политики китайских властей в отношении мусульман, многочисленные цитаты из Корана и призывы к джихаду, большое количество эпизодов, демонстрирующих боевую и тактическую подготовку членов группы, обращения к «братьям по вере» с призывом взяться за оружие и т. п.

Начиная с 2008 г. информационный центр ИПТ организовал выпуск выходящего на арабском языке в печатной и онлайн версиях журнала «Туркестан аль-Исламия» («Исламский Туркестан»). Первый номер издания вышел в июле 2008 г. С тех пор в журнале были опубликованы материалы по самым различным темам, начиная от салафитской доктрины и заканчивая материалами вроде «Ответственность улемы [мусульманского духовенства – прим. ред.] по защите Восточного Туркестана».⁹⁸ Как и в случае с видеозаписями, специалисты по борьбе с терроризмом неоднократно отмечали сходство журнала «Исламский Туркестан» с другими периодическими изданиями, выпускаемыми вооруженно-террористическими организациями радикально-исламистского толка.⁹⁹

Дальнейшей переориентации ИПТ на борьбу в сети и интенсификации усилий по пропаганде радикальной идеологии через интернет способствовало назначение в 2012 г. новым главой ИПТ А.Мансура, курировавшего до этого вопросы пропаганды и отвечавшего за издание «Исламского Туркестана».

Рис. 2. Количество видеоматериалов, подготовленных и выложенных в сеть ИПТ

Источник: данные статистических ведомств КНР, представленные в документальном фильме «Распространитель терроризма в интернете—видео "Исламского движения Восточного Туркестана"». Центральное ТВ при поддержке Государственной канцелярии интернет-информации Министерства общественной безопасности и Пресс-канцелярии Госсовета КНР. 24.06.2014.¹⁰⁰

24 июня 2014 г. в КНР был выпущен документальный фильм, посвященный проблеме кибер-терроризма, под названием «Распространитель терроризма в интернете – видео «Исламского движения Восточного

Туркестана». Фильм был подготовлен Центральным телевидением при поддержке Государственной канцелярии интернет-информации Министерства общественной безопасности и Пресс-канцелярии Госсовета КНР, что свидетельствует о высоком уровне обеспокоенности китайских властей проблемой распространения видео и аудиоматериалов террористического содержания в интернете. Согласно обнародованной в фильме информации, всплеск насилия на территории КНР в 2013–2014 гг. непосредственно связан с активизацией интернет-пропаганды ИПТ. По данным статистических ведомств КНР, количество подготовленных и размещенных ИПТ в интернете видеозаписей за период с 2010 по 2014 г. увеличилось более чем в 10 раз.¹⁰¹ Как отметил заместитель начальника Управления общественной безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района Яликунь Якупу, чьи комментарии также приведены в фильме, созданные ИПТ пропагандистские материалы попадают в сеть через размещенные за пределами КНР бесплатные веб-хостинги. Кроме того, радикалы активно используют различные платформы, в частности, социальные сети, и через них размещают в интернете электронные книги и видеоматериалы.¹⁰²

VII.

Эффективное противодействие такой организации, как Исламская партия Туркестана, подразумевает не просто физическое уничтожение членов группы (как видно из ее истории, организация умеет «перерождаться» и сохранять свою боеспособность, даже несмотря на уничтожение харизматичных лидеров). Хеджирование рисков, связанных с деятельностью ИПТ, подразумевает долгую и кропотливую работу по искоренению основ уйгурской проблемы внутри Синьцзяна и решению целого комплекса региональных проблем. Несмотря на предпринимаемые Китаем шаги по развитию западных территорий и увеличению притока инвестиций в регион, которые сочетаются с жесткой политикой властей, направленной на борьбу с силами «трех зол», китайский метод «кнута и пряника» пока не доказал свою состоятельность в решении проблемы экспансии исламского радикализма в Синьцзяне. Одна из главных причин этого – сохранение комплекса нерешенных экономических и социальных проблем, высокий уровень маргинализации обширных слоев коренного населения, оказавшихся «за бортом» процессов модернизации. В этой ситуации экономические и социальные мотивы многократно усиливают «исламский фактор». В свою очередь, ислам, как и любая другая религия, является мощнейшим драйвером социальной мобилизации, а учитывая специфику Синьцзяна, он способен усилить националистическую идеологию, подчеркнув в ней пантюркистскую и общеисламскую составляющие. Эти особенности региональной ситуации активно используют радикалы из ИПТ, делая ставку на пропаганду радикальной исламистской идеологии через современные средства информации и коммуникации.

С точки зрения дестабилизации региональной обстановки серьезные опасения вызывает и «внешний фактор» – и, прежде всего, неясные перспективы территорий, расположенных у западных границ Китая. Несмотря на операцию международного контингента в Афганистане и усилия спецслужб

Пакистана, позиции радикалов в афгано-пакистанской зоне сегодня по-прежнему прочны. По мере сокращения присутствия контингентов США и НАТО на территории Афганистана открываются дополнительные возможности для базирования и активности таких организаций, как ИПТ. Совокупность этих доводов позволяет сделать предположение о том, что в обозримой перспективе деятельность ИПТ по-прежнему будет представлять серьезный вызов безопасности, как для самого Китая, так и для его ближайших соседей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Wee S.-L. Chinese police blame separatist group for Urumqi bombing // Reuters. 18.05.2014.

² Attackers kill 3 people in Xinjiang After Xi's Visit // Bloomberg News. 01.05.2014. <<http://www.bloomberg.com/news/2014-04-30/blast-occurs-at-train-station-in-china-s-xinjiang-xinhua.html>>.

³ "Strike hard" campaign aims to restore harmony to Xinjiang people // Global Times. 07.07.2014. <<http://www.globaltimes.cn/content/869084.shtml>>.

⁴ Pakistan launches "comprehensive operation against foreign and local terrorists" in North Waziristan // The Long War Journal. 15.06.2014. <http://www.longwarjournal.org/archives/2014/06/pakistan_launches_co.php#ixzz39bM3xtHG>.

⁵ Китай начал кампанию по очистке Интернета от террористических материалов // «Жэньминь жибао» онлайн. 21.06.2014. <<http://russian.people.com.cn/n/2014/0621/c31521-87444444.html>>.

⁶ China Xinjiang: Violence "kills or injures dozens" // BBC News-China. 30.07.2014. <<http://www.bbc.com/news/world-asia-china-28539762>>.

⁷ Левин Н. Вице-президент Всемирного конгресса уйгуров: «Придет день, и Уйгурстан выберет своего президента» // Ferghananews.com. 02.04.2012. <<http://www.ferghananews.com/articles/7326>>.

⁸ Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян 1918-1941 гг. Региональный фактор во внешней политике Советского Союза. – Барнаул: Издательство БГПУ, 1999. С. 24.

⁹ Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. С. 541.

¹⁰ Wang Y.-K. Toward a Synthesis of the Theories of Peripheral Nationalism: A Comparative Study of China's Xinjiang and Guangdong // Asian Ethnicity. Sept. 2001. V. 2. № 2. P.16

¹¹ White Paper on National Minorities Policy and Its Practice in China / Information Office of the State Council of the People's Republic of China. September 1999. <<http://english.peopledaily.com.cn/whitepaper/1.html>>.

¹² Haider Z. Sino-Pakistan relations and Xinjiang's Uighurs // Asian Survey. July/August 2005. V. XLV. № 4. P. 525–526.

-
- ¹³ Сыроежкин К.Л. Ук. соч. С. 306.
- ¹⁴ Чжугуан И., Юнфу М. Синьцзян миньцзю гуаньси янцзю. Цит. по: Сыроежкин К.Л. Ук. соч. С. 613.
- ¹⁵ Davis A. Xinjiang learns to live with “resurgent Islam” // *Jane’s Intelligence Review*. 1 Sept. 1996. V. 8. № 9. P. 417.
- ¹⁶ Haider Z. *Op.cit.* P. 525–526.
- ¹⁷ Rashid A. *Jihad: The Rise of Militant Islam in Central Asia*. – New Haven: Yale University Press, 2002. P. 204.
- ¹⁸ Сыроежкин К.Л. Ук. соч. С. 300.
- ¹⁹ Koch J. *Economic Development and Ethnic Separatism in Western China: A New Model of Peripheral Nationalism* <<http://uyghurstudies.org/en/wp-content/uploads/2013/06/Economic-Development-and-Ethnic-Separatism-in-Western-China-A-New-Model-of-Peripheral-Nationalism.pdf>>.
- ²⁰ Mackerras C. Xinjiang at the turn of the century: the causes of separatism // *Central Asian Survey*. 2001. V. 20. № 3. P. 289–303.
- ²¹ *Ibid.* P. 289–303.
- ²² Развитие Синьцзян-уйгурского автономного района КНР и его социально-экономические последствия для Казахстана / Агентство по исследованию рентабельности инвестиций. 20.02.2013. <http://www.airi.kz/Pdf_analisys/.pdf>.
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ Kaltman B. *Under the Heel of the Dragon. Islam, Racism, Crime, and the Uighur in China*. – Athens: Ohio University Press, 2007. P. 29.
- ²⁵ Reed T.J., Raschke D. *The ETIM: China’s Islamic Militants and the Global Terrorist Threat*. – Santa Barbara: Greenwood, 2010. P. 47.
- ²⁶ China: The Evolution of ETIM // *Stratfor Global Intelligence*. 13.05.2008. <<http://www.stratfor.com/sample/analysis/china-evolution-etim>>.
- ²⁷ Reed T.J., Raschke D. *Op. cit.* P. 47.
- ²⁸ *Turkestan Islamic Party. Jihad Lands: Turkestan*. Цит. по: Reed T.J., Raschke D. *Op.cit.* P. 47.
- ²⁹ Rudelson J., Jankowiak W. *Acculturation and Resistance* / Ed. by Frederick Starr. – Xinjiang: China’s Muslim Borderland; N.Y.: M.E. Sharpe, 2004. P. 316.
- ³⁰ Reed T.J., Raschke D. *Op.cit.* P. 58–59.
- ³¹ *Ibid*, P. 48.
- ³² *Ibid*, P. 48, 73.

-
- ³³ Ibid, P. 48,
- ³⁴ China: The Evolution of ETIM. Op. cit.
- ³⁵ Gunaratna R., Acharya A., Pengxin W. Ethnic Identity and National Conflict in China. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. P. 61.
- ³⁶ Reed T.J., Raschke D. Op.cit. P. 68.
- ³⁷ Uyghur Separatist denies Links to Taliban, Al-Qaeda // Radio Free Asia. 27.01.2002. <<http://www.rfa.org/english/news/politics/2002/01/27/85871/>>.
- ³⁸ Cloud D.S., Johnson I. Friend or Foe: In post-9/11 World, Chinese Dissidents Pose U.S.Dilemma // The Wall Street Journal. 03.08.2004.
- ³⁹ Цит. по: Pantucci R., Swarck E. Sources of Tension in Afghanistan and Pakistan: a Regional Perspective. Transition in Afghanistan: Filling the Security Vacuum-The Expansion of Uighur Extremism? – Barcelona: Barcelona Center for International Affairs (CIDOB), 2014. P. 6.
- ⁴⁰ Mir H. Interview with Usama bin Laden, Pakistan, March 18, 1997. Цит. по: Fishman B. Al-Qaeda and the Rise of China. Jihadi Geopolitics in a Post-Hegemonic World // The Washington Quarterly. Summer 2011. P. 49.
- ⁴¹ Kan S.A. U.S.-China Counterterrorism Cooperation: Issues for U.S. Policy / Report for Members and Committees of Congress. – Washington D.C.: Congressional Research Service, 2010. P.1.
- ⁴² Terrorist Activities Perpetrated by "Eastern Turkistan" Organizations and Their Links with Osama bin Laden and the Taliban / Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. 29.11.2001. <<http://www.china-un.org/eng/zt/fk/t28937.htm>>.
- ⁴³ Eastern Turkistan terrorist killed // China Daily. 24.12.2003.
- ⁴⁴ Gunaratna R., Acharya A., Pengxin W. Op.cit. P. 56–57.
- ⁴⁵ Ibid. P. 53.
- ⁴⁶ Zenn J. On the eve of 2014: Islamism in Central Asia // Current trends in Islamist ideology. June 2013. V. 15. P. 67–91. http://www.hudson.org/content/researchattachments/attachment/1378/zenn_vol15.pdf>.
- ⁴⁷ "East Turkestan" Terrorist Forces Cannot Get Away with Impunity // PRC State Council Information Office. 21.01.2002. <<http://www.china-un.ch/eng/23949.html>>.
- ⁴⁸ Pantucci R., Swarck E. Op. cit. P. 5.
- ⁴⁹ ФСБ обезвредила боевиков «Исламской партии Туркестана» // ИА Новый регион. 17.10.2013. <<http://nr2.com.ua/video/na-urale-fsb-obezvredila-vooruzhennyh-boevikov-islamskoj-partii-turkeстана-foto-video-46771.html>>.
- ⁵⁰ Damla A. S. On the Occasion of the Military Operations in the Prefectures of Hotan and Kashghar in East Turkestan // Islom Awazi. 15.10.2011.

⁵¹ Roggio B. Chinese terrorist leader Abdul Haq al Turkestani is dead: Pakistani interior minister // The Long War Journal. 7 May 2010.

⁵² Список зарубежных организаций, запрещенных по решению суда на территории Республики Казахстан: Исламская партия Туркестана // Официальный интернет-ресурс Агентства Республики Казахстан по делам религий. <http://www.din.gov.kz/rus/press-sluzhba/spisok_zaprexhennyx_organizaci/?cid=0&rid=461>.

⁵³ Rahmani W. Has Al-Qaeda picked a leader for operations in China? // Terrorism Focus. Dec. 2008. V. 5. № 41. <[http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=34211&no_cache=1#.VJTcAsgC](http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews[tt_news]=34211&no_cache=1#.VJTcAsgC)>.

⁵⁴ Reed T.J., Raschke D. Op.cit. P. 50.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Xinjiang fighter killed by drone // Al Jazeera. 03.02.2010. <<http://english.aljazeera.net/news/asia-pacific/2010/03/2010328195748457.html>>.

⁵⁷ Gunaratna R., Acharya A., Pengxin W. Op.cit. P. 58.

⁵⁸ Zenn J. Al-Qaeda's Uighur Jihadi: A Profile of the Turkestan Islamic Party's Abdul Shakoор Turkistani // Militant Leadership Monitor. 30 Dec. 2011. V. 2. № 12. <[http://mlm.jamestown.org/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=38823&tx_ttnews\[backPid\]=567&no_cache=1#.U7Vp40Db5EM](http://mlm.jamestown.org/single/?tx_ttnews[tt_news]=38823&tx_ttnews[backPid]=567&no_cache=1#.U7Vp40Db5EM)>.

⁵⁹ Zenn J. Turkestan Islamic Party's Abdul Shakoор Turkistani killed in Fata air strike // September 2012 Briefs. 28 Sept. 2012. V. 3. № 9. <[http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=39903&tx_ttnews\[backPid\]=13&cHash=87f3b0557e55a1ad454b1a1bd1a71e0e#.VJTcbsgB](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=39903&tx_ttnews[backPid]=13&cHash=87f3b0557e55a1ad454b1a1bd1a71e0e#.VJTcbsgB)>.

⁶⁰ Gunaratna R., Acharya A., Pengxin W. Op. cit. P. 59.

⁶¹ Golovnina M. From his Pakistan hideout, Uighur leader vows revenge on China // Reuters. 14.07.2014.

⁶² Mehsud S., Golovnina M. From his Pakistan hideout, Uighur leader vows revenge on China // Reuters. 14.03.2014.

⁶³ Pantucci R., Scwarck E. Op. cit. P. 4.

⁶⁴ Reed T.J., Raschke D. Op. cit. P. 51.

⁶⁵ Kepel G. The War for Muslim Minds: Islam and the West. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 2004; LeBlanc P. Chinese Muslim Radicals: Exploring the Historical Origins and Developments of the East Turkestan Islamic Movement (ETIM). Academia.edu, 2010. P. 95. <https://www.academia.edu/2373455/Chinese_Muslim_Radicals_Exploring_the_Historical_Origins_and_Developments_of_the_East_Turkestan_Islamic_Movement_ETIM_>.

⁶⁶ Цит. по: LeBlanc P. Op. cit.

⁶⁷ Zenn J. On the Eve of 2014: Islamism in Central Asia. Op. cit.

-
- ⁶⁸ Shishani A. Steadfastness and Preparations // Journal of the Turkestan Islamic Party. Цит. по: Reed T.J., Raschke D. Op. cit. P. 51.
- ⁶⁹ Jihad Lands: Turkestan Islamic party (Islam Awazi) // Reed T.J., Raschke D. Op. cit. P. 53.
- ⁷⁰ Cloud D.S., Johnson I. Friend or Foe: In post-9/11 World. Chinese Dissidents Pose U.S.Dilemma // The Wall Street Journal. 03.08.2004.
- ⁷¹ Why are we fighting China // Turkestan Islamic party (Islam Awazi) // Reed T.J., Raschke D. Op. cit. P. 52.
- ⁷² Damla A. S. On the Occasion of the Military Operations in the Prefectures of Hotan and Kashghar in East Turkestan // Islom Awazi, October 15, 2011.
- ⁷³ Zenn J. Al-Qaeda's Uighur Jihadi: A Profile of the Turkestan Islamic Party's Abdul Shakoor Turkistani / Jamestown Foundation Brief. 30 Dec. 2011. V. 2. № 12.
<[http://mlm.jamestown.org/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=38823&tx_ttnews\[backPid\]=567&no_cache=1#.U7Vp40Db5EM](http://mlm.jamestown.org/single/?tx_ttnews[tt_news]=38823&tx_ttnews[backPid]=567&no_cache=1#.U7Vp40Db5EM)>.
- ⁷⁴ Mehsud S., Golovnina M. From his Pakistan hideout, Uighur leader vows revenge on China // Reuters. 14.03.2014. <<http://www.reuters.com/article/2014/03/14/us-pakistan-uighurs-idUSBREA2D0PF20140314>>.
- ⁷⁵ Zenn J. Turkestan Islamic party increases its media profile // The Central Asia-Caucasus Analyst. 05.02.2014. <<http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/12909-turkistan-islamic-party-increases-its-media-profile.html>>.
- ⁷⁶ Reed T.J., Raschke. Op. cit. P. 52.
- ⁷⁷ TIP division in Syria releases photos of fighters, camp for children // Jihadist News. 30.06.2014 [SITE Monitoring Service "Jihadist Threat"].
<<https://news.siteintelgroup.com/Jihadist-News/tip-division-in-syria-releases-photos-of-fighters-camp-for-children.html>>.
- ⁷⁸ The truth has supporters as the tyrant has soldiers // Islamic Turkistan. March 2013. V. 13.
- ⁷⁹ Видеофильм «Распространитель терроризма в интернете—видео "Исламского движения Восточного Туркестана» // CCTV. 24.06.2014.
<<http://cctv.cntv.cn/2014/06/24/VIDE1403583002561372.shtml>>.
- ⁸⁰ Xinjiang Chairman Cautions against Ethnic Splittism // Urumqi Xinjiang Ribao. April 21, 1996. Цит. по: Clarke M. China, Xinjiang and the Internationalization of the Uyghur Issue: Global Change. – Brisbane: Peace and Security, Routledge, 2010. P.19.
- ⁸¹ Kakakhel I. China-Pakistan Economic Corridor to boost economy // Daily Times [Pakistan]. 22.07.2014.
- ⁸² Ibid.
- ⁸³ Serafettin Y. Afghanistan: China's New Frontier? // E-International Relations. 19 Dec. 2012. <https://www.academia.edu/2327727/Afghanistan_Chinas_New_Frontier>
- ⁸⁴ Rehman Z.U. ETIM's Presence in Pakistan and China's Growing Pressure / Norwegian Peacebuilding Center (NOREF) report. 18 Aug. 2014. – Oslo: NOREF, 2014.

http://www.peacebuilding.no/var/ezflow_site/storage/original/application/381280b226170116bb6f07dc969cb17d.pdf

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Источники «Хронологии»: доклад Информационного бюро Госсовета КНР «Силы Восточного Туркестана не уйдут безнаказанными», Reed T.J., Raschke D. The ETIM, China's Islamic militants and the Global Terrorist Threat. – Santa Barbara: Greenwood, 2010; Millward J. Violent Separatism in Xinjiang: A Critical Assessment / Policy Studies. № 6. – Washington D.C.: East-West Center Washington, 2004; материалы международных информационных агентств: BBC, Reuters, AFP и др. отечественные и зарубежные новостные ресурсы.

⁸⁷ «East Turkestan» Terrorist Forces Cannot Get Away with Impunity». Op. cit.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ Китайские исламисты взяли на себя ответственность за теракт на площади Тяньаньмэнь // Lenta.ru. 24.11.2013.

⁹⁰ Wee S.-L. Chinese police blame separatist group for Urumqi bombing // Reuters. 18.05.2014.

⁹¹ Ibid.

⁹² Xinhua Insight: Investigations reveal details of Xinjiang terror attack // Синьхуа. 06.07.2013. <http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2013-07/06/c_124966189.htm>.

⁹³ Jourdan A. Chinese police shoot dead 13 attackers in restive Xinjiang // Reuters. 21.06.2014. <<http://www.reuters.com/article/2014/06/21/us-china-security-idUSKBN0EW07D20140621>>.

⁹⁴ Китай начал кампанию по очистке Интернета от террористических материалов // «Жэньминь жибао» онлайн. 21.06.2014 <<http://russian.people.com.cn/n/2014/0621/c31521-8744444.html>>.

⁹⁵ Gunaratna R., Acharya A., Pengxin W. Op.cit. P. 68.

⁹⁶ Pantucci R., Swarck E. Op. Cit. P. 10.

⁹⁷ Ibid, P. 10.

⁹⁸ Zenn J. On the Eve of 2014: Islamism in Central Asia. Op. cit.

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Видеофильм «Распространитель терроризма в интернете—видео "Исламского движения Восточного Туркестана». 24.06.2014.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.